

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ЭКЗИСТЕНЦИИ СТРАХА В ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ

В.В. Баркова, У.В. Сидорова

Философская практика – это новый тренд современной философии, откликающийся на вызовы времени. Это «возвращение к себе» несколько подзабытой отечественной философской традиции в формате максимального приближения к миру повседневности. Философия через призму такого подхода предстает не просто как набор знаний и изложение философских систем, а как форма духовной деятельности, направленной на анализ и решение философскими средствами тех или иных мировоззренческих проблем, волнующих современного человека. Предметом статьи является феномен экзистенции страха и механизмы его преодоления специфическими средствами практической философии. Также дается историко-философский анализ феномена страха в контексте развития практической философии.

Ключевые слова: экзистенция, страх, экзистенция страха, философская практика.

Слово страх греческого происхождения: φόβος обозначает ужас, боязнь, тревогу. Это состояние души, которое маркируется как неудовольствие, переживание, страдание. Испытывать чувство страха – значит находиться под внутренним прессингом напряженного ожидания разрешения некоей

ситуации, развитие которой человек интуитивно ощущает как угрозу наступления необратимых изменений в своей жизни. Человек в состоянии страха выступает как «существо страшящееся». Перспектива потерять самостоятельность, здоровье, любовь, надежду, свободу как следствие бесконечной экстраполяции собственного «Я» за пределы периметра своей самости, отсутствие возможностей восстановить утраченное или приобрести новое выявляют изначальные предпосылки феноменологии страха. Разум как-то старается закрыть глаза на истину данного события, не заметить ее, но именно страх открывает нам истину, страх дает проявиться ей со всей ее неотвратимостью.

Также страх обнажает непознанность биопсихосоциокультурной природы человека, выскакивая наружу в основном в ситуациях эпистемологической неуверенности и смысловой неразрешимости тех или иных проблем человеческой жизнедеятельности, снимая при этом с человека «кожуру» культуры, ролевые маски, обнажая в бездне души субъекта нечто личное, собственное, какие-то тайные узелки его внутренней бытийности. Со временем коллективный опыт человека научается объективировать его страхи, заключая связанные с ним переживания в обряды, ритуалы, обычаи, загоняя их в лабиринты человеческого подсознания. Однако экзистенция страха не исчезает. Она приобретает новые черты и особенности, становится не животным, но истинно человеческим экзистенциальным страхом, как бы сказал великий Платон – паническим страхом души. Представление образов страха, которые иногда сознание выплескивает наружу в исповеди, нарративах, искажает до неузнаваемости природу их зарода, которая в процессе трансформации превращается в феномен жуткого. Жутким называют то ужасное, что должно оставаться тайным, сокрытым, но вышло вдруг наружу (Шеллинг).

Экзистенция страха рассматривается практическим философом как глубинное состояние человеческой самости, пробуждающееся и выказывающее свое наличие в определенных пограничных ситуациях разлома повседневного периметра человеческой бытийности. Страх как субъективное состояние самостных структур человека являет собой онтологический модус его бытийности, в котором человек сталкивается с Ничто, приоткрывающим для него ранее непроявленные узлы и складки подлинного бытия. Философская практика рассматривает разные модусы страха, разные формы проявления этого состояния, но в любом случае она видит за ним глубинные изломы в основаниях бытийности конкретного человека и его внутреннего мира и стремится вместе с человеком преодолеть это состояние. Это понимание страха в философской практике опирается на мощную традицию.

Так, феномен страха с незапамятных времен становится предметом пристального изучения и описания в науках, имеющих дело с челове-

ским характером и поведением. Интересен тот факт, что это всегда было практическим философствованием, а не отвлеченным знанием. Так, тема человеческого страха была предметом практической рефлексии еще у древнегреческих мудрецов. Фуко в работе «Забота о себе» писал о том, что погружение в мир человеческих переживаний, рефлексии состояний страха были в Древней Греции и Риме общественной практикой и протекали под руководством философов. Уже в VII–VI вв. до н.э. семь греческих мудрецов учили житейской мудрости своих современников и помогали справляться с различными страхами. Но первыми практическими философами стали софисты и Сократ. Эти философы провели границу между внутренним и внешним страхом. Для них преодоление страха – это внутренний ход человека, направленный на развязывание узелков, порожденных интуицией предков, в его экзистенциальных переживаниях и раздумьях.

По мысли Аристотеля, страх отражает всплески человеческой энтелехии в его поведении. Школа эпикурейцев видела в страхе аффект, свойственный человеческой душе, но который необходимо преодолеть, чтобы страх не мешал человеческому счастью. Мудрецом в этом случае становится тот, кто сумеет при помощи своего разума стать бесстрастным. В ряду практических философов древности одно из первых мест принадлежит стоикам, чьи мысли были обращены не к философам-коллегам, а ко всякому, кто задумывается о жизни. Опираясь на методы Сократа, стоики разработали классификацию страхов и в духе времени интерпретировали их как состояние переживания несовершенства принципов соотношения государства и человека. Боэций продолжил дело Цицерона и Сенеки, сохранив для нас поистине драгоценный опыт исцеления-утешения философией.

Феномен страха стал ключевым для христианской теологии. Здесь он получил разные характеристики и оттенки состояния: это и страх греха, и благоговейный страх перед Богом, и страх перед искушениями Дьявола. Мыслители эпохи Возрождения, возвратив экзистенции страха онтологический статус, спустили философию с небес на землю. Они решили предоставить ей возможность отвечать на вопросы о жизни, морали, о вещах хороших и дурных, помочь осознанию людьми самих себя, побороть страх как во вне, так и внутри себя во имя посюсторонней жизни. Известный мыслитель Нового времени Спиноза, исследуя природу страха, отмечал, что она выражает изначальную страсть человеческой души, существующую как ее особенная стихия. Экзистенция страха способна породить даже удивление, которое, в свою очередь, служит импульсом к познавательной активности индивида (Декарт). Сам же страх выступает специфической способностью, силой, направленной на преодоление сопротивления еще непознанного познающему (Кант).

Общим выводом исследования страха как сущностного экзистенциала человеческого бытия мыслителями прошлого стало признание того, что ре-

альное проявление страха случается при условии внутреннего напряжения, возникающего: *во-первых*, при активном отношении к миру (противостоянии, преодолении, сопротивлении, борения и т.д.), как антипод и условие мужества, *во-вторых*, при пассивном отношении к миру как покорном принятии, принципиальном непротиивлении; *в-третьих*, как начало мудрости, т.е. начало открывающегося знания, познания абсолютной истины.

Страх как экзистенциал (условие становления человеческого существования) впервые в полной мере был открыт С. Кьеркегором. Страх в понимании датского философа принципиально отличается от боязни, связанной с чем-то определенным, конкретным и в перспективе – локализуемым. Страх выступает как экзистенциал, содержащий в своей глубинной сущности беспочвенность и предметную неопределенность. Предметом страха в экзистенциалистской парадигме является Ничто. Страх и ничто постоянно соответствуют друг другу. С. Кьеркегор писал, что страх сродни головокружению от созерцания пустоты, бездны между собой и миром, и при этом головокружении человек теряет ложную уверенность в незыблемости повседневных связей и отношений, ощущает отторжение от них, собственную покинутость и обретает экзистенциальную свободу именно благодаря прохождению через страх [5].

Кьеркегор указывает три аспекта страха: онтологический, этический, эстетический. Они взаимосвязаны друг с другом, и в этом единстве порождают и определяют экзистенцию страха. Человек цепляется за то, что видится ему в качестве ничто и старается превратить это ничто во что-то конкретное. Практический философ понимает, что это ничто, являющееся предметом страха, имеет отношение к самому индивиду. Такой страх можно назвать субъективным, поскольку корень его прорастает из внутреннего мира индивида. Кьеркегор писал, что экзистенция страха может быть рассмотрена как количественная характеристика поколения, поскольку груз первородной греховности свойственен всему поколению. В этическом плане страх определен своей онтологической сущностью. Как считал мыслитель, страх является действительностью свободы как возможность для возможности [5, с. 144]. Это – скованная свобода, когда свобода несвободна в самой себе. В этом философ и видит диалектическую природу страха. Для него свобода состоит не в выборе между добром и злом, а в самой онтологической возможности мочь. Подобное состояние может испытывать только человек. Человек как синтез духовного и телесного в своей природе соединяет посредством духа эти компоненты, которые составляют само человеческое в нем. Вместе с тем дух вносит постоянный разлад в отношении души и тела, поскольку сам по себе не может познать себя самого, не может быть свободным от себя самого, и, осознавая свою мощь, он впадает в состояние страха.

Кьеркегор отмечает двусмысленность онтологии страха: с одной стороны, он отталкивает своей пугающей действительностью возможностей, а с другой, притягивает человека, искушает его. В этом открывается третий аспект страха – эстетический. Страх вынуждает человека прятаться в толпе таких, как все, найти свою «платонову пещеру». Однако это не уводит страх из человеческой жизни, поскольку он дан в наказание за грехи, совершенные вольно или невольно. И даже тот, кто освободился от греха, все равно испытывает страх перед новым падением. Экзистенциальный страх неизбежен, как неизбежен первородный грех, который сопутствует человеку. Такой страх разрушает все начинания, обнажая их иллюзорность, и порождает отчаяние. Вместе с тем Кьеркегор говорит о недопустимости для человека довольствоваться складывающимися отношениями со страхом как неотвратимым роком. Эти отношения должны быть определены чем-то, что выше человека. В глубине своей духовности, соприкасаясь с божественным, человек получает силу и поддержку.

В феноменолого-экзистенциальной философии М. Хайдеггера страх приобретает статус фундаментальной категории философского знания, выражающей специфическое отношение, возникающее между сущим и человеческим существом. Страх как сущностный ужас ставит человека перед бездной Ничто. У М. Хайдеггера страх – одна из экзистенциальных структур, в которых держится Dasein философии [6]. Это ментально целостное событие и рассматривается им как нечто низкое, недостойное, постыдное, как то, что требует изгнания, изъятия из феноменологической топики человека. Безъязыкость ничто «взывает» нарушить гнетущую тишину, превратив энергию ужаса в речь. И первое суждение о сущем возникает в напряженном пространстве страха, который нужно пережить, пропустить через себя.

Таким образом, экзистенция страха человеческого «Я» порождается в силу разных причин: из-за неисчерпаемости мира как внешнего, так и внутреннего, отчужденности мира от хрупкого и конечного «Я», из-за стремления увидеть «Я» через «Ты», через других. Важно, что экзистенциальный страх связан не с какими-то конкретными жизненными событиями определенного индивида, его природа коренится в самой сущности человека.

Практическая философия, имея целью воздействовать на людей силой слова, убеждением в процессе живого общения на различных занятиях – консультациях-беседах, собеседовании, дискуссиях, анализе конкретных ситуаций, – свою задачу видит в прояснении позиций клиента по основным вопросам жизни, личностного развития, любви, творчества, здоровья. Практические философы – Р. Лахав, О. Бренифье, С.В. Борисов и другие – обращены к анализу экзистенциалов, осознанию их вместе с клиентами.

Следовательно, экзистенция страха в практической философии оборачивается конструктом, помогающим не только осознать несовершенство

внутреннего мира личности, но и наметить практические шаги по ее переформатированию. У практического философа появляются те люди, которые хотят не просто жить или в чем-то разобраться теоретически, но, скорее всего, отдавать себе отчет в своей жизни, прояснить ее контуры со всеми ее многочисленными «откуда», «зачем» и «для чего». Достаточно часто их потребность состоит в том, чтобы поразмышлять над определенными обстоятельствами, специфическими затруднениями и двойственным течением своей жизни.

В основе метода практической философии лежит сократический диалог, искусство задавать вопросы, овладевая которым человек начинает осознавать причины своих страхов и неуверенности. Работа осуществляется по трем регистрам практического философствования: *интеллектуальный* – формирование концептов и идей, практика вопрошания и возражения; *экзистенциальный* – выражение и утверждение в суждениях своей идентичности, работа над стилем индивидуального бытия и своим мышлением. Это включает признание непоследовательности в себе самом, своих собственных границ; *социальный* – встреча с мышлением другого через вопрошание и диалог, работа в группе.

О. Бренифье, философ-практик с мировым именем и опытом работы, считает, что философия существует не для того чтобы профессора дискутировали в стенах университетов, она должна приносить практическую пользу всем людям [3]. О. Бренифье полагает, что задача философского консультирования состоит в том, чтобы клиент начал мыслить о мире и мире в себе. Повседневная жизнь человека, как правило, протекает в периметре удобной и рутинной «пещеры», в которой человек ведет свои привычные дела. Только в особые моменты критического самосознания, улавливающего нарастание некой тревожности, человек вдруг понимает, как давит и связывает его карта-навигатор размеренной «пещерной» жизни, и появляется стремление вырваться из периметров сложившегося бытия, и что карта – это еще не вся территория, и есть к чему стремиться [4].

Но этому зачастую препятствуют различные страхи, именно они не позволяют человеку выйти из пещеры и подняться к себе подлинному. Страхи, порожденные различными пережитыми, но не переработанными травмами. Философская практика помогает «переформатировать» прошлое. Конечно, нельзя «перевести назад стрелки часов» и изменить то, что уже случилось. Однако, как пишет О. Бренифье, мы способны кое-что сделать в отношении перевоссоздания запомнившегося клиенту события, вызывающего у него внутренний дискомфорт сейчас и теперь [3]. Вы можете изменить свойства, характерные особенности мысленных образов, беспокоящих клиента, звуков и ощущений, из которых сложились переживания прошлого. И хотя эти переживания уже прошли сквозь индивидуальные фильтры восприятия, превратились в воспоминания и чувства, которые

они вызывают, но мы знаем, что они не реальность. Их надо изменить с помощью рефлексии. В каком-то смысле это можно назвать тренировкой мышления.

Итак, как правило, непроясненные страхи часто приводят клиента к практическому философу [2]. Аналитическое ненавязчивое осмысление должно касаться, с одной стороны, клиента: кто он, каким образом он мыслит. С другой стороны, мир, который его окружает, должен стать предметом осмысления. Люди не знают, чего они хотят, чего ожидают. Все, что они знают, что им неспокойно и они озабочены чем-то. Хотят ли они помощи? Возможно, нет. Помощь может стать недифференцированным концептом. Главная задача философа заключается в прояснении того, что происходит в данный момент с человеком, и первой помощью будет прояснение этой вызывающей тревогу и страх ситуации. Философ должен натолкнуть клиента на решение проблемы рефлексивным путем, но не решать ее за него. Наоборот, консультант как бы со стороны воспринимает от клиента сентенции о его жизненных трудностях. В этом, по мысли О. Бренифье, состоит важнейшее отличие философской практики от психотерапевтических сеансов. Последний лечит душу любыми доступными средствами, стараясь вытеснить или загнать вглубь подсознания страхи, некие состояния, навязчивые идеи своих клиентов. Философ будоражит сознание и сеет зерна сомнения в нем, чтобы клиент сам работой своего самосознания вытеснял из себя по крупицам страх, тревогу, неуверенность и т.д.

Вместе с тем в философской практике взаимодействуют два человека, вовлеченных в философствование, т.е. они работают с одной и той же вещью в паре. Как если бы вы играли в теннис с кем-то: оба партнера делают одно дело, хотя отношения между ними асимметричны, потому что один из них знает свою работу лучше, чем другой. Но, тем не менее, они начинают лучше понимать реальность, друг друга, и это позволяет им лучше взаимодействовать. Возможно, единственная разница заключается в том, что обсуждаемый вопрос больше касается клиента, чем философа. Но любая проблема одного человека в контексте философии всегда являет себя проблемой человечества, и в этом смысле она не бывает эксклюзивной для конкретного человека. Поэтому, проводя философскую консультацию, философ работает одновременно со своим внутренним миром, постигает и расширяет свои собственные возможности и избавляется от собственных страхов в работе с другим.

Библиографический список

1. Айке, Д. Страх. Тревога и тревожность / Д. Айке – СПб.: Питер, 2001. – 256 с.
2. Борисов, С.В. Философская практика в «платоновской пещере» [Электронный ресурс] / С.В. Борисов. – URL: <http://http://raphp.ru/wp-content/uploads/2018/02/9pdf>.

3. Бренифье, О. Философия с Ходжой Насреддином / О. Бренифье, И. Миллон. – М.: Клевер-Медиа-Групп, 2013.

4. Дыдров, А.А. Заметки о философской практике О. Бренифье [Электронный ресурс] / А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер, К.Е. Резвушккин. – URL: <http://raphp.ru/wp-content/uploads/2018/02/Philosophical-Practice-Dydrov.pdf>.

5. Къркегор, С. Понятие страха / С. Къркегор // Страх и трепет. – М: Терра», 1998. – 368 с.

6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.

[К содержанию](#)